

Александр I и Военная галерея Зимнего дворца

Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии 1813-1814 годов, несомненно, являются наиболее знаковым событием первой половины XIX в. не только в России, но и во всей Европе. Событием, которое на долгие годы изменило политическую карту Европы и предопределило дальнейшее развитие европейских народов.

Российский император Александр I был не только современником и свидетелем этих событий, но и самым деятельным их участником. Будучи в начале войны 1812 года фактически во главе русских армий, император нашел в себе силы отказаться от утвержденного им же плана размещения русской армии в Дрисском лагере, а затем и вовсе покинуть армию, чтобы не мешать Главнокомандующему 1-й Западной армией М. Б. Барклаю де Толли.

Не меньшего мужества требовала от императора проявленная им твердость не только не заключать мир с Наполеоном, но и не вступать с ним в переговоры, даже после оставления русскими войсками Москвы.

Заслуги Александра I в создании в 1813 году коалиции против наполеоновской Франции неопределимы. Российскому императору не только удалось привлечь к борьбе против Наполеона почти всех европейских государей, но и сгладить противоречия среди союзников, сохранив тем самым коалицию до окончательной победы над врагом. Только благодаря Александру I союзники двинулись к Лейпцигу, оставив в тылу Дрезден, вступили в пределы Франции и двинулись на Париж, не разбив армию Наполеона.

Не забыл император и тех, кто вместе с ним переносил тяготы войны – в Царском Селе по его приказу в память войны были установлены триумфальные ворота с надписью *«Любезным моим сослуживцам»*. Задумал император также создать в Зимнем дворце портретную галерею генералов, участвовавших в войне 1812-1814 годов.

Идея создания портретной галереи сама по себе не являлась оригинальной. Во многих европейских замках и дворцах существовали портретные галереи. Вероятно, одна из таких галерей и натолкнула Александра I на мысль о создании генеральской галереи в Зимнем дворце.

В известном альбоме В. М. Глинки и А. В. Помарнацкого «Военная галерея Зимнего дворца», выдержавшем уже три издания, говорится, что на мысль о создании в Зимнем дворце портретной галереи генералов-героев Александра I мог натолкнуть создававшийся в Виндзорском замке «Зал памяти Ватерлоо».¹ Предположение, прямо скажем, не совсем корректное. Георг IV, вступивший на британский престол в 1820 г., задумал увековечить память победы при Ватерлоо созданием в своей резиденции портретной галереи известных лиц, боровшихся с Наполеоном. Зал под размещение портретов был спроектирован Д. Уайтвиллем на месте бывшего «рогового двора», получившего свое название из-за висевших там оленьих рогов. Однако Георг IV, умерший в 1830 г., так и не увидел задуманного им зала – строительство завершилось уже при правлении его приемника Вильгельма IV. Точная дата открытия зала не известна, однако, рисунок с проектом его кровли, подготовленный Ф. Крейсом, датирован 1835 г. Военная же галерея в Зимнем дворце была открыта уже в 1826 г.

¹ Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. – 3-е изд., доп. – Л.: «Искусство», 1981. – С.9.

Но дело даже не в том, что послужило прототипом Военной галереи, – поражает размах задуманного Александром I предприятия, – в одном месте предполагалось разместить портреты всех генералов, которые участвовали в боевых действиях против французов в кампаниях 1812, 1813 и 1814 годов, состоя в генеральском чине, или были произведены в генералы вскоре после окончания войны за отличия, оказанные в боях.

В реализации столь грандиозной задачи помог случай. В 1818 г. во время Ахенского конгресса Александр I, войдя в комнату, где Джордж Доу писал портрет князя П. М. Волконского, был поражен сходством портрета с оригиналом и быстротой, с которой работал художник. Английский живописец был приглашен в Россию для написания портретов в Военную галерею. Предложение было очень заманчивым – за каждый портрет художнику было обещано по 1000 рублей ассигнациями (250 рублей серебром) – огромные деньги для того времени. Для сравнения можно сказать, что известным русским живописцам за портрет такого размера платили всего по 200-300 рублей ассигнациями.

Доу прибыл в Петербург весной 1819 г. и сразу же приступил к выполнению «высочайшего» заказа, создавая в одном формате портреты генералов. Работал он очень быстро – к открытию выставки в сентябре 1820 г. в Академии Художеств, где Дж. Доу выставил несколько написанных им для галереи портретов, им было создано уже более 80 портретов генералов.²

Александр I, задумавший создание портретной галереи генералов в Зимнем дворце, не увидел воплощение своего замысла. Она была создана по проекту архитектора К. И. Росси, на месте существовавших ранее нескольких небольших комнат в середине парадной части Зимнего Дворца между Белым (позже Гербовым) и Большим тронным (Георгиевским) залами, рядом с дворцовым собором. Даже проект Военной галереи, высочайше утвержденный в марте 1826 г., К. И. Росси начал готовить уже после воцарения Николая I. Торжественное же открытие состоялось 25 декабря 1826 г.

Планов Александра I по созданию галереи генералов пока разыскать не удалось – не известно, где в Зимнем дворце должна была размещаться галерея, сколько портретов планировалось в ней разместить и когда предполагалось закончить ее создание.

О первоначальном размере галереи и сроках завершения ее создания можно косвенно судить по объявлению, сделанному Джорджем Доу в газете «Русский инвалид» в мае 1820 г. *«Г [осподин] Дав, Живописец, коему Его Императорское Величество благоволил поручить изготовление портретов, назначенных для Галереи Российских Генералов, прославившихся в последнюю войну, – намеревается, с соизволения и под Высоким покровительством Августейшего их Предводителя, издать Литографическое собрание помянутых портретов. ... Галерея сия состоит из 200 портретов и разделится на 40 тетрадей, ... Тетради сии выйдут будут в Свет через каждые три недели, так что все собрание приведено будет к концу в одно время с оригинальными портретами».*³

Как можно заключить из приведенного текста, планировалось изготовить 200 портретов, и закончить их написание Дж. Доу рассчитывал к сентябрю 1822 года. Однако процесс создания галереи затянулся.

7 августа 1820 г. в Главный штаб были представлены результаты рассмотрения Комитетом для вспомоществования неимущим изувечным генералам, штаб и обер-

² Отечественные записки. 1820 г. Ч. 3. С. 284.

³ Русский инвалид. №124. 28 мая 1820 г.

офицерам, называвшимся для краткости Комитетом, учрежденным 18-го августа 1814 года, списков генералов, направленных на рассмотрение графом А. А. Аракчеевым. Списки генералов, принимавших участие в походах 1812-1815 годов, были подготовлены в 1817 г. по поручению Александра I в 1-м отделении Инспекторского департамента Главного штаба.⁴ Затем эти списки доработал Дежурный генерал Главного штаба А. А. Закревский⁵ и в ноябре 1819 г. передал их начальнику Главного штаба князю П. М. Волконскому, который и представил их императору, а после направил Аракчееву для передачи на рассмотрение в Комитет.

Комитет, рассмотрев формулярные списки генералов, сделал заключения, достоин ли каждый генерал для включения в портретную галерею, однако, члены Комитета рассматривали только кандидатуры генерал-майоров и генерал-лейтенантов. Обсуждению, в соответствии с Высочайшей волей, не подлежали полные генералы, генерал-адъютанты и генералы Гвардейского корпуса.⁶

В список *«генералов, заслуживающих быть писанными в галерею»* Комитетом было включено 262 человека,⁷ что с учетом генералов, не рассматриваемых в Комитете, значительно превышало первоначально запланированное количество портретов.

Вероятно, представление списка императору изменило его первоначальные планы в отношении сроков создания и размеров создаваемой галереи. В упоминавшемся проекте, подготовленном в 1826 г. архитектором К. И. Росси, в галерее было предусмотрено место для 360 погрудных, 4 ростовых и 3 конных портретов.⁸ При постройке галереи количество мест под погрудные генеральские портреты было уменьшено до 342. Написание портретов для галереи практически прекратилось в 1829 г. со смертью Дж. Доу и хотя отдельные портреты писались вплоть до 1839 г. его зятем Томасом Райтом, часть портретов так и не была написана. В Военной галерее в настоящее время находится 13 пустых рам, затянутых зеленой тканью, с фамилиями генералов.

Изменение планов в отношении галереи создало уникальную ситуацию с написанными портретами – с одной стороны, император через Министра Императорского Двора князя П. М. Волконского торопит с написанием портретов, а с другой стороны, исполненные портреты остаются не востребованными в мастерской художника. Из Кабинета Его Величества художнику регулярно выплачиваются деньги за написанные портреты, но при этом, никто не проверяет, действительно ли указанные Дж. Доу в отчетах портреты написаны.

Все это создавало условия для злоупотреблений. Написанные для галереи и оплаченные из казны портреты, Дж. Доу продавал изображенным лицам или их родственникам, заменяя их копиями, созданными его помощниками – В. Голике и А. Поляковым.

Портреты продолжали оставаться в мастерской у Дж. Доу до начала сентября 1825 г., когда поступило Высочайшее повеление передать их в ведение гофмаршала Двора его Величества действительного статского советника Ф. И. Лабенского, который заведовал

⁴ РГВИА. Ф. 395. Оп. 6/312. Д. 163.

⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1257. ЛЛ. 8 об.-28.

⁶ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1257. ЛЛ. 64-64 об.

⁷ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1252. ЛЛ. 176-186.

⁸ РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 321.

Эрмитажной галереей. 7 сентября 1825 г. в Эрмитаж было принято от Дж. Доу 224 портрета.⁹

По странному стечению обстоятельств истребование портретов от художника совпало с отъездом императора в Таганрог, откуда он уже не вернулся. Через два месяца было объявлено о кончине императора. Это совпадение можно рассматривать как еще одно косвенное подтверждение ухода в 1825 г. Александра I от мирской жизни и перевоплощения его в старца Федора Кузьмича. Император не в первый раз уезжал из Петербурга, но впервые до отъезда решил завершить «старые дела» (более шести лет портреты находились в мастерской художника, а тут вдруг все забрали).

Есть еще один сюжет, «связывающий» Александра I с открытой в царствование преемника в Зимнем дворце Военной галереей. Современная галерея отличается от галереи, открытой в 1826 г. и освященной. Пожар в декабре 1837 г., бушевавший более трех суток, уничтожил в Зимнем дворце все внутреннее убранство многих залов, в т.ч. и Военную галерею. Однако ни один генеральский портрет не пострадал – они были вынесены из огня гвардейскими солдатами. В 1838-1839 гг. галерея была заново отделана по чертежам архитектора В. П. Стасова. В результате переделки были изменены внутреннее убранство и размеры галереи.

Находящийся ныне в галерее конный портрет Александра I работы Ф. Крюгера был помещен в галерею только после ее восстановления в 1839 г. Возникает законный вопрос, что было в галерее до появления там портрета работы Крюгера.

На проектом рисунке этой стены Военной галереи, выполненном в марте 1826 г., виден конный портрет императора Александра, однако он не похож на портрет, написанный Ф. Крюгером.

При открытии галереи в декабре 1826 г., за неимением полагавшегося по проекту конного портрета, на торцевой стене был установлен портрет Александра I работы Дж. Доу, на котором император изображен в полный рост, стоящим со шляпою в руке. Вот как описывали открытие Военной галереи в газете «Русский инвалид»: *«В конце ее [галереи] возвышаются ступени, покрытые малиновым бархатом, и ведут к балдахину, осеняющему изображение во весь рост в Бозе почивающего Императора»*.¹⁰

В описании освящения Военной галереи, помещенном в журнале «Сын Отечества» читаем: *«Портрет сей [Императора Александра I во весь рост] заменен будет другим, над коим трудится Г [осподин] Дов, изображая незабвенного Агамемнона нашего [т.е. Александра I] верхом на лошади. Его Величество написан будет на той самой серой лошади, на коей Он въехал победителем и миротворцем в Париж»*.¹¹ Этот конный портрет императора Александра I работы Дж. Доу и изображен на картине Г. Г. Чернецова, написанной в 1829 г. Тот же портрет можно увидеть и на картине С. А. Алексеева с видом Военной галереи, написанной в 1835 г.

Сравнив изображения центральной части (с портретом Александра I) на картине Чернецова с аналогичным фрагментом на работе С. А. Алексеева, а также с акварелью Э. П. Гау, можно убедиться, что фигура императора на них изображена по-разному. Картины С. А. Алексеева и Г. Г. Чернецова написаны в 1835 г. и в 1829 г., еще до пожара, а акварель Э. П. Гау в 1862 г., т.е. уже после пожара. На всех трех работах портрет императора находится под балдахином, сделанным из малинового бархата. Даже

⁹ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 23 (1825 г.).

¹⁰ Русский инвалид. №307. 28 декабря 1826 г. С. 1240.

¹¹ Отечественные записки. №81. Январь 1827 г. Ч. 29. С. 152.

при беглом осмотре заметно, что изображения балдахинов на картине Г. Г. Чернецова и акварели Э. П. Гау сильно различаются. К сожалению, на картине С. А. Алексеева верхнюю часть балдахина закрывает люстра, но и по боковым частям драпировки можно сделать вывод, что он больше соответствует изображению балдахина на акварели Э. П. Гау. Хотя на картинах С. А. Алексеева и Г. Г. Чернецова изображен один и тот же (допожарный) вид Военной галереи, но балдахины на них изображены по-разному.

Расположенные по бокам от портрета императора декоративные стойки с орлами и венками и на картине С. А. Алексеева и на акварели Э. П. Гау доходят (по высоте) только до половины императорского портрета, а на картине Г. Г. Чернецова эти стойки выше портрета.

Исследования в архиве Государственного Эрмитажа позволили установить, что конный портрет Александра I, написанный Дж. Доу, поступил в Эрмитаж в 1829 г., однако не сразу занял положенное ему место в Военной галерее. Согласно рапорту гофмаршала Двора Е. И. В. действительного статского советника Ф. И. Лабенского *«по причине [значительного] увеличения портрета Г [осподино]м Довом, прежняя рама оказалась к переделке вовсе не возможною, потому что хотя и можно было наставить оную, то излишняя широта профиля не позволила бы поместить ее в назначенном по рисунку месте. По сим причинам нужно было заказать раму новую с меньшим профилем; к балдахину надобно было сделать новый карниз с резьбою и позолотою и прибавить ширину арматуры, которую нужно было тоже перезолотить; под портретом сделана тумба с дверью и замком для помещения ящика со знаменем дворцовой роты. Прежняя драпировка вся снята и вновь переделана по рисунку. Для поддержания дровка от знамя, сделано бронзовое вызолоченное укрепление в стене; за всю работу заплачено 2889 руб. 50 коп.»*¹²

1 августа 1830 г., когда был составлен этот рапорт, Ф. И. Лабенский отчитывался перед Придворной конторой за уже проделанную работу, а разрешение на значительную переделку рамы и всего убранства вокруг портрета было получено от императора 30 апреля того же года. Учитывая вышеописанные в рапорте Ф. И. Лабенского переделки рамы и балдахина, а также изготовление тумбы под портретом для хранения знамени, получается, что у Г. Г. Чернецова (в отличие от С. А. Алексеева и Э. П. Гау) изображено еще не переделанное обрамление портрета Александра I.

Сам же портрет Александра I, изображенный Г. Г. Чернецовым, при общем сходстве с портретом, который мы видим на картине С. А. Алексеева, отличается от него мелкими деталями: у Г. Г. Чернецова лошадь полностью помещается внутри арки, а на картине С. А. Алексеева нога и хвост императорской лошади «заходят» на арку. Также есть небольшие отличия и в позе императора.

В собрании Государственного Эрмитажа находится акварельный рисунок, являющийся эскизом к картине. Находящийся в отделе рукописей Государственного Русского музея, дневник Г. Г. Чернецова позволил датировать этот эскиз ноябрем 1828 г.¹³ Обращает на себя внимание тот факт, что на рисунке тоже изображен конный портрет императора Александра, который, как уже говорилось, появился только в 1829 г. в галерее. Это противоречие в датах можно объяснить следующим образом: в 1827 г. Дж. Доу на выставке в Таврическом дворце выставлял эскиз конного портрета Александра, предназначенного для Военной галереи; вероятно, Г. Г. Чернецов был знаком с этим

¹² Архив ГЭ, ф.1, оп.2, д.16 (1830 год), л.2-2 об.

¹³ ОР ГРМ, ф.28, д.3, л.145 об.

эскизом и, зная, что конный портрет рано или поздно должен быть нарисован, изобразил его на своем рисунке, а затем и на картине. Этим же можно объяснить и вышеописанные отличия конного портрета императора Александра I на картинах Г. Г. Чернецова и С. А. Алексеева.

Новый портрет императора не понравился многим, кто близко знал Александра Павловича. По общему мнению, портрет был крайне неудачный. Редактор-издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньин писал о портрете: *«Тщетно будете искать в лице великодушного Победителя той ангельской улыбки, которая обворожила Парижан при первом появлении Его в пределах оногo ... Из сего мрачного взгляда на сем равнодушном челе – он [посетитель] ничего не откроет, ничего не прочтет. О лошади не станем и говорить: не было зрителя, который бы не заметил важных ее недостатков»*.¹⁴ Рядом, с безупречно нарисованными и безукоризненно построенными в пространственном отношении конными портретами прусского короля Фридриха-Вильгельма III (работы Ф. Крюгера) и австрийского императора Франца I (работы Ф. Крафта), помещенными в 1832 г. в Военную галерею, недостатки портрета Александра I работы Дж. Доу стали особенно наглядны. Стало очевидно, что Дж. Доу в своей работе пренебрегал правилами линейной перспективы, из-за чего задняя часть лошади получилась непропорциональной. Не случайно император Николай I в 1832 г. заказал немецкому художнику Ф. Крюгеру, автору галерейного портрета прусского короля, написать другой портрет императора Александра.

В июне 1832 г. Ф. Крюгер приехал в Петербург, где нарисовал эскиз будущего портрета. Художнику были даны конкретные указания, разъясняющие все частности будущего портрета (ракурс, масть лошади, мундир, набор орденов и т.д.). Особо оговаривалось, чтобы новый портрет был такого же размера, как и предыдущий, чтобы еще раз не переделывать раму. Эскиз был одобрен Николаем I и в мае 1833 г. Ф. Крюгер вернулся в Берлин, где в 1837 г. закончил портрет, находящийся ныне в Военной галерее.

В августе 1839 г. Николай I повелел *«портрет Императора Александра Павловича верхом, писанный художником Дове, находившийся наперед сего в портретной галерее, отослать в Москву для помещения там во вновь устраиваемом дворце»*.¹⁵ Имелся в виду Большой Кремлевский дворец, который начали строить в Кремле в 1839 г. по проекту архитектора К. А. Тона.

В убранстве комнат Большого дворца в Кремле «сосланный» из Зимнего дворца портрет так и не был использован. Его поместили в Оружейную палату, где он и находился до революции 1917 г. На волне борьбы с атрибутами прежней власти, царский портрет сняли со стены и «бросили» в подвалы Успенского собора, где он долгое время пылился. В настоящее время портрет находится в запасниках Музеев Московского Кремля свернутым на вал.

В заключение хочется отметить, что Военная галерея, воплотив грандиозное замыслы Александра I по увековечиванию памяти его соратников по войне, стала своеобразным памятником Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813-1814 годов. Это воистину уникальное собрание генеральских портретов донесло до потомков изображения многих участников тех героических событий.

¹⁴ Отечественные записки. №90. Октябрь 1827 г. Ч. 32. С. 141.

¹⁵ Отечественные записки. №90. Октябрь 1827 г. Ч. 32. С. 141.

Опубликовано:
Сборник №3. У истоков российской государственности.
(Роль женщин в истории династии Романовых): Исследования и материалы.
– СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. – С.371-379.